

Крикнул он басом:

— Мама! — и выбежал прочь из школы.

Бежит он и думает: «Ну, уж если и мама меня не узнает, тогда всё пропало».

Прибежал Петя домой и позвонил три раза.

Мама открыла ему дверь.

Смотрит она на Петю и молчит. И Петя молчит тоже. Стоит, выставив свою седую бороду, и чуть не плачет.

— Вам кого, дедушка? — спросила мама наконец.

— Ты меня не узнаёшь? — прошептал Петя.

— Простите — нет, — ответила мама.

Отвернулся бедный Петя и пошёл куда глаза глядят.

Идёт он и думает: «Какой я одинокий, несчастный старик. Ни мамы, ни детей, ни внуков, ни друзей... И главное, ничему не успел научиться. Настоящие старики — те или доктора, или мастера, или академики, или учителя. А кому я нужен, когда я всего только ученик третьего класса? Мне даже и пенсии не дадут — ведь я всего три года работал. Да и как работал — на двойки да на тройки. Что же со мною будет? Бедный я старик! Несчастный я мальчик! Чем же всё это кончится?»

Так Петя думал и шагал, шагал и думал, и сам не заметил, как вышел за город и попал в лес. И шёл он по лесу, пока не стемнело.

«Хорошо бы отдохнуть», — подумал Петя и вдруг увидел, что в стороне, за ёлками, белеет какой-то домик. Вошёл Петя в домик — хозяев нет. Стоит посреди комнаты стол. Над ним висит керосиновая лампа. Вокруг стола — четыре табуретки. Ходики тикают на стене. А в углу горою навалено сено.

Лёг Петя в сено, зарылся в него поглубже, согрелся, поплакал тихонько, утёр слёзы бородой и уснул.

Просыпается Петя — в комнате светло, керосиновая лампа горит под стеклом. А вокруг стола сидят ребя-

та — два мальчика и две девочки. Большие окованные медью счёты лежат перед ними. Ребята считают и бормочут.

— Два года, да ещё пять, да ещё семь, да ещё три... Это вам, Сергей Владимирович, а это ваши, Ольга Капитоновна, а это вам, Марфа Васильевна, а это ваши, Пантелей Захарович.

Что это за ребята? Почему они такие хмурые? Почему кричат они, и охают, и вздыхают, как настоящие старики? Почему называют друг друга по имени-отчеству? Зачем собрались они ночью здесь, в одинокой лесной избушке?

Замер Петя Зубов, не дышит, ловит каждое слово. И страшно ему стало от того, что услышал он.

Не мальчики и девочки, а злые волшебники и злые волшебницы сидели за столом! Вот ведь как, оказывается, устроено на свете: человек, который понапрасну теряет время, сам не замечает, как стареет. И злые волшебники развели об этом и давай ловить ребят, теряющих время понапрасну. И вот поймали волшебники Петю Зубова, и ещё одного мальчика, и ещё двух девочек и превратили их в стариков. Состарились бедные дети и сами этого не заметили — ведь человек, напрасно теряющий время, не замечает, как стареет. А время, потерянное ребятами, забрали волшебники себе. И стали волшебники малыми ребятами, а ребята — старыми стариками.

Как быть?

Что делать?

Да неужели же не вернуть ребятам потерянной молодости?

Подсчитали волшебники время, хотели уже спрятать счёты в стол, но Сергей Владимирович, главный из них, не позволил. Взял он счёты и подошёл к ходикам. Покрутил стрелки, подёргал гири, послушал, как тикает маятник, и

опять защёлкал на счётках. Считал, считал он, шептал, пока не показали ходики полночь. Тогда смешал Сергей Владимирович костяшки и ещё раз проверил, сколько получилось у него. Потом подозвал он волшебников к себе и заговорил негромко:

— Господа волшебники! Знаете — ребята, которых мы превратили сегодня в стариков, ещё могут помолодеть.

— Как? — воскликнули волшебники.

— Сейчас скажу, — ответил Сергей Владимирович.

Он вышел на цыпочках из домика, обошёл его кругом, вернулся, запер дверь на задвижку и поворошил сено палкой.

Петя Зубов замер, как мышка.

Но керосиновая лампа светила тускло, и злой волшебник не увидел Петю. Подозвал он остальных волшебников к себе поближе и заговорил негромко:

— К сожалению, так устроено на свете: от любого несчастья может спастись человек. Если ребята, которых мы превратили в стариков, разыщут завтра друг друга, придут ровно в двенадцать часов ночи сюда к нам и повернут стрелку ходиков на семьдесят семь кругов обратно, то дети снова станут детьми, а мы погибнем.

Помолчали волшебники. Потом Ольга Капитоновна сказала:

— Откуда им всё это узнать?

А Пантелей Захарович проворчал:

— Не придут они сюда к двенадцати часам ночи. Хоть на минуту да опоздают.

А Марфа Васильевна пробормотала:

— Да куда им! Да где им! Эти лентяи до семидесяти семи и сосчитать не сумеют, сразу собьются.

— Так-то оно так, — ответил Сергей Владимирович. — А всё-таки пока что держите ухо востро. Если доберутся ребята до ходиков, тронут стрелки — нам тогда и с места

не сдвинуться. Ну а пока нечего время терять — идём на работу.

И волшебники, спрятав счёты в стол, побежали, как дети, но при этом кряхтели, охали и вздыхали, как настоящие старики.

1. Объясни название сказки.
2. Многие сказки кончаются такими словами: «Сказка — ложь, да в ней намёк, добрым молодцам урок». Какой урок ты извлёк для себя из этой сказки?
3. Если ты хочешь узнать о том, что происходило с Петей Зубовым дальше, прочитай всю сказку Е. Шварца.

ФЕДИНА ЗАДАЧА.

Н. Носов.

Раз как-то зимой Федя Рыбкин пришёл с катка. Дома никого не было. Младшая сестра Феди, Рина, уже успела сделать уроки и пошла играть с подругами. Мать тоже куда-то ушла.

— Вот и хорошо! — сказал Федя. — По крайней мере никто не будет мешать делать уроки.

Он включил радио, достал из сумки задачник и стал искать заданную на дом задачу.

— Передаём концерт по заявкам, — объявил голос по радио.

— Концерт — это хорошо, — сказал Федя. — Веселей будет делать уроки.

Он отрегулировал репродуктор, чтоб было погромче, и сел за стол.

— Ну-ка, что тут нам на дом задано? Задача номер шестьсот тридцать девять? Так... «На мельницу доставили

четыреста пятьдесят мешков ржи, по восемьдесят килограммов в каждом...»

Из репродуктора слышались звуки рояля, и чей-то голос запел густым рокочущим басом:

Жил-был король когда-то,
При нём блоха жила.
Милей родного брата
Она ему была.

— Вот какой противный король! — сказал Федя. — Блоха ему, видите ли, милей родного брата!

Он почесал кончик носа и принялся читать задачу сначала:

— «На мельницу доставили четыреста пятьдесят мешков ржи, по восемьдесят килограммов в каждом. Рожь смолоти, причём из шести килограммов зерна вышло пять килограммов муки...»

Блоха! Ха-ха! —

засмеялся голос и продолжал петь:

Позвал король портного:
— Послушай, ты, чурбан!
Для друга дорогого
Сшей бархатный кафтан.

— Ишь, что ещё выдумал! — воскликнул Федя. — Блохе — кафтан! Интересно, как портной его шить будет? Блоха ведь маленькая!

Он прослушал всю песню до конца, но так и не узнал, как портной справился со своей задачей. В песне ничего про это не говорилось.

— Плохая песня, — решил Федя и опять принялся чи-

тать задачу: — «На мельницу доставили четыреста пятьдесят мешков ржи, по восемьдесят килограммов в каждом. Рожь смололи, причём из шести килограммов зерна...»

Он был титулярный советник,

Она — генеральская дочь,—

запел репродуктор снова.

— Интересно, кто такой титулярный советник? — сказал Федя.— Гм!

Он потёр обеими руками уши, словно они у него замёрзли, и, стараясь не обращать внимания на радио, принялся читать задачу дальше:

— Так. «...из шести килограммов зерна вышло пять килограммов муки. Сколько понадобилось машин для перевозки всей муки, если на каждой машине помещалось по три тонны муки?»

Пока Федя читал задачу, песенка про титулярного советника кончилась и началась другая:

Легко на сердце от песни весёлой,

Она скучать не даёт никогда,

И любят песню деревни и сёла,

И любят песню большие города!

Эта песенка очень понравилась Феде. Он даже забыл про задачу и стал пристукивать карандашом по столу в такт.

— Хорошая песня! — одобрил он, когда пение кончилось.— Так... О чём тут у нас говорится? «На мельницу доставили четыреста пятьдесят мешков ржи...»

Однозвучно гремит колокольчик,—

послышался высокий мужской голос из репродуктора.

— Ну, гремит — и пусть гремит,— сказал Федя.— Нам-

то какое дело? Нам надо задачу решать. На чём тут мы остановились? Так... «Для дома отдыха купили двадцать одеял и сто тридцать пять простынь за двести пятьдесят шесть рублей. Сколько денег уплатили за купленные одеяла и простыни в отдельности...» Позвольте! Откуда тут ещё одеяла с простынями взялись? У нас разве про одеяла? Тьфу, чёрт! Да это не та задача! Где же та?.. А, вот она! «На мельницу доставили четыреста пятьдесят мешков ржи...»

По дороге зимней, скучной
Тройка борзая бежит,
Колокольчик однозвучный
Утомительно гремит.

— Опять про колокольчик! — воскликнул Федя. — На колокольчиках помешались! Так... Утомительно гремит... в каждом мешке... рожь смололи, причём из шести килограммов муки вышло пять килограммов зерна... То есть муки вышло, а не зерна! Совсем запутали!

Колокольчики мои, цветики степные!
Что глядите на меня, тёмно-голубые?

— Тьфу! — плюнул Федя. — Прямо деваться от колокольчиков некуда! Хотя из дому беги, с ума можно сойти!.. Из шести килограммов зерна вышло пять килограммов муки, и спрашивается, сколько понадобилось машин для перевозки всей муки.

Не счесть алмазов в каменных пещерах,
Не счесть жемчужин в море полудённом...

— Очень нам нужно ещё алмазы считать! Тут мешки с мукой никак не сосчитаешь! Прямо наказание какое-то! Двадцать раз прочитал задачу — и ничего не понял! Пойду лучше к Юре Сорокину, попрошу, чтобы растолковал.

Федя Рыбкин взял под мышку задачник, выключил радио и пошёл к своему другу Сорокину.

1. Чем тебе понравился рассказ? Объясни.
2. Расскажи, как ты выполняешь домашние задания.

РЕПИНСКИЕ ДАЧНИКИ.

(Отрывок из повести «Ранний восход».)

Л. Кассиль.

...Коля проснулся очень рано, когда, покряхтывая от утренней сырости, возвратился с ночного дежурства стороживший колхозные огороды дедушка Ефим. Захватив лопоту хлеба с луковичкой, складной стульчик, альбом и краски, горя нетерпением скорее приняться за дело, ради которого он, собственно, и приехал сюда Коля вышел со двора, тихонько прикрыл калитку, чтобы она не стукнула, и пошёл по улице. В деревне уже начинался трудовой колхозный день. Запрягали лошадей, из сарая-каретника слышались удары молотка о металл — там чинили инвентарь. Потом слышались звуки тройной футбольной сирены, на него отозвались в разных дворах бодрым утренним мычанием бурёнки. И Коле было приятно, что он не просто дачник, а работник, который вместе со всеми встал спозаранку и начинает свой трудовой день.

Местность за деревней оказалась очень живописной. Почти со всех сторон Репинку окружала малахитовая стена леса с большими прогалинами.

Ярко-зелёные, округлой формы холмы мягко спускались к реке. А за рекой глаз отдыхал на просторных лугах. И робкий утренний ветерок катил шелковистые волны по всходам молодой ржи...

У Коли глаза разбежались от этого приволья — разнообразного, ласкающего глаз, заставляющего дышать во всю грудь. Да, здесь можно было хорошо поработать! Написать вон ту лощинку, к которой так плавно скатывается линия холмов, и позолоченную утренним солнцем околицу Репинки с прочными, хорошо срубленными избами, и поля, когда они заколосятся и желтизной своей будут контрастировать у горизонта с синевой неба...

Но тут в утренней тишине, ещё покоившейся на лугах, опять пропела сирена и громко выстрелил кнут. Коля увидел пастушка, который загонял на место, в зелёную лощинку, своих коров.

— Эй, дачник! — закричал пастушок. — Чего встал рано?

Волоча кнут, ступая крепкими босыми ногами по росистой траве, чем-то похожий на молодого петушка, он подошёл к Коле.

— Это у тебя что? — спросил он, указывая на торчавший из Колиного кармана складной, свёрнутый в холщовую трубку стульчик.

Коля вытащил из кармана это приспособление, раскрыл его, поставил на землю и сел.

— Толково! — одобрил пастушок. — Надо бы и мне такой завести. Пригнал — садись, располагайся, посиживай. И сухо и складно. Перегонять надо — сунул в карман, и всего делов. Вот люди сообразят! Дай посидеть.

Коля встал, и пастушок сел на складной стульчик, повертелся в разные стороны:

— Удобная жизнь! А тебе на кой это?

— Я с ним работать хожу. На натуре. Этюды писать, — сказал Коля и посмотрел на пастушка — какое это произвело на него впечатление.

Но с загорелой, обветренной, пятнистой физиономии пастушка светили на Колю такие славные, пытливо открытые глаза, будто всё на свете они желали разглядеть и сей-

час же понять. И Коле стало неловко, зачем это он щегольнул вдруг подобными словесами. Разве можно в такие глаза пускать пыль? И он поспешил объяснить:

— Я сюда приехал на летние работы. Нам в школе задают. Я в Художественной школе учусь. Рисую.

— На практику, значит?

— Ну, вроде этого. И вот я хожу, ищу красивые виды и срисовываю.

— Выходит, на художника учишься!..— с уважением протянул пастушок.— А я тоже в художественной самодеятельности участвовал, по характерной пляске. Ох, я плясать здоров! Я уж на смотре и в Сонкове выступал, и в Бологом. У нас даже в школе кружок грамоту имеет за это. Мы третье место заняли.

Он неожиданно вдруг присел и пошёл вприсядку, выворачивая голыми пятками, потом вскинул ноги вверх, став на ладони, прошёлся колесом и напоследок завертелся, почти распластавшись, раскинув руки, как птица — крылья, на одной пятке, которой он буравил землю.

— Ну как, ничего? Художественно получается? — поинтересовался он.

— Просто здорово! — восхитился Коля совершенно искренне.

— То-то! — сказал пастушок.— Мы тут тоже не такие, чтоб так... Не спим зря, не дремлем...

Он перекинул кнут через плечо, подхватив его за спиной, и свесил через другое плечо наперёд. И тут Коля увидел на его руке возле локтя, под завернувшейся рубахой, багровые полосы шрамов, неровно заросших.

— Это чем ты так? — спросил он.

— Это, что ли?.. Это не я сам.— Пастушок закатал рукав, поднял локоть.— Это волчище один матёрый меня цапанул.

Коля остолбенело смотрел на него.

— Не веришь, что ли? Спроси кого хочешь в Репинке. Это в прошлом году. Погнал я на выпас коров от колхоза. А уж дело по осени. Вдруг — здорово живёшь! Не званы не прошены — шасть двое волков! Здоровущих!.. И прямо, веришь ли, на крайнюю корову. Как они её хватанули!.. Рвут и волочат. Ну, гляжу, пропала скотина. Кнут сдёрнул с себя да как щёлкну им. Аж один сразу отскочил. А я на другого и сам кричу. Смекаешь? И волков пугаю, и народ на подмогу. Двойная польза, учти это. Не то что я со страху это голосил... Теперь этот, который свалился, в сторону отполз и норовит на меня. Я его как огрею кнутом, да с потягом ещё. Концом-то захлестнул ногу, так он кубарем от меня. А этот, матёрый, сейчас меня за руку — цоп!.. Вот за это место. Только я ему кнутовище в зубы ткнул и держу поперёк глотки. Он, значит, пасть защёлкнуть и не может. Задними лапами мне только стёганку всю в лоскутья

разодрал. Да руку вот малость повредил. А сам на меня дышит так смрадно. Душно мне стало. Я чуть памяти не лишился. Хорошо ещё, я ему в рот кнутовище засунул. Он и сам дохнуть уже не может. Ну, а дальше я уже и помнить вроде перестал. После, гляжу, уже дедушка Разумеев тут, и председатель Прохор Евсеевич, и ещё народ. И меня на ноги обратно stanовят. Они с займища сено возили и слышали. Говорят, я цельных десять минут с волком-то возился. Так и упустил. Ушёл окаянный... А корова та ничего, выправилась. Мне за то премия была от колхоза. Костюм шевиотовый мне справили. Такого у нас ни у кого в классе нет.

— Слушай, как тебя звать? — спросил Коля, всё с бóльшим любопытством вглядываясь в пастушка и уже мысленно видя его в своём альбоме.

— Пигусев Вася, — отвечает тот.

— Ты вот стой так, я тебя нарисую.

— Это зачем? Охота тебе...

— Я тебя сейчас нарисую! — загорелся Коля. — А зверей я уже немножко умею рисовать. Я их много в зоопарке изучал. И потом в Москве я сделаю картину: «Подвиг пастушка». Нет, правда, это будет очень интересно.

— Уж подвиг! — усомнился Вася. — Ты тогда сейчас не рисуй, а вот я завтра шевиотовый надену, тогда уж и спиывай портрет. А то что же это за красота будет? Это только срамить.

— Да не надо мне твоего шевиотового! Ты ведь тогда в чём был? Ведь в стёганке?

— И в ушанке, — заметил пастушок Вася. — Ты хоть дай я чёботы надену. Я тогда не босый был, а в чёботы обутый. Уж давай чтоб всё, как есть, чтоб взаправду.

Рисовать пастушка было дело нелёгкое, потому что он вдруг срывался с места и, крича: «Куда тебя?.. У, чухлая! Вертайся, тебе говорят!», — кидался за какой-нибудь отбив-

шейся бурённой и загонял её обратно к лесу. Иногда бросал свой альбомчик и бежал помогать и сам художник. Но потом они оба как ни в чём не бывало снова занимали свои прежние позиции. И рисунок был вскоре готов.

Коля вернулся домой голодный, немножко усталый, но очень довольный. Он решил, что ещё несколько раз сделает наброски с Васи-пастушка, а когда вернётся в Москву, непременно напишет большую композицию. Ведь вот какой отважный парень! А с виду и не скажешь. Нет, люди везде есть такие, что просятся в картину.

Впервые чувствовал Коля подобную ответственность перед самим собой за каждый штрих, нанесённый на бумагу.

1. Ещё раз прочитай описание местности за деревней. В чём её живописность? Постарайся посмотреть на неё глазами мальчика-художника. Почему у него дух захватило от того, что он увидел вокруг? Выбери особо яркие детали, краски.
2. Перечитай ту часть, где рассказывается о встрече двух мальчиков. Особо остановись на описании глаз пастушка. Составь по этой части небольшой рассказ о каждом из мальчиков.
3. Перечитай оставшуюся часть рассказа. Почему Коле захотелось написать портрет пастушка? Как отнёсся Вася к предложению своего нового знакомого?
4. Обрати внимание на речь каждого из мальчиков. По каким словам и выражениям мы можем определить, что один из них горожанин и к тому же «учится на художника», а другой — сельский житель?
5. Найди в тексте отрывки, которые помогут тебе увидеть в Васе такие черты, как острая наблюдательность, глубокий ум, смелость, умение быстро найти общий язык с другим человеком, правдивость.
6. Какая часть рассказа, по твоему мнению, удобна для чтения по ролям? Какую работу надо провести для подготовки такого чтения?
7. Какой смысл содержится в заключительном предложении?

На станции ещё горели огни, и в городке всё было полно сонного тепла июльской ночи. Только в тополях трещали воробьи, давно уже начавшие шумный птичий свой день. Женщина, приехавшая с поездом, выждала, пока опустела привокзальная площадь, и медленно пошла к центру города. На её усталом, всё ещё красивом, несмотря на годы, лице было выражение печали и нежности; в руке она несла букет из привянувших листьев ландышей: их цветы в эту пору года уже давно отцвели.

Городок только начинал свой день, на выгоне играл пастух на рожке, и звуки рожка были как бы тоже омыты росой, как кусты и трава в садах. Скрипели журавли колодцев во дворах, пели петухи, иногда сонная рука отодвигала занавеску на окне и распахивала раму, и тогда в комнату лился, вероятно, чистый, родниковой свежести воздух. А рожок всё пел и пел свои хрустальные четыре ноты и снова возвращался к начальной. Лиловатые и нежно-палевые мальвы под окнами раскачивались на первом ветерке, и небо было ещё дымно-голубым и воздушным, как всегда в часы летнего утра. Улочки поросли вдоль обочин травой, но ближе к центру был асфальт, и в самом конце простёртой через весь городок главной улицы уже рыже и огненно стояло солнце.

Женщина дошла до ворот городского сада. Вдоль аллеи, пустынной в этот ранний час, ещё ночной свежестью пахли цветы. Женщина пошла по аллее, опустив голову, держа почти у самых губ свой остролистый букет. В конце аллеи, в центре городского сада, белел над одинокой могилой маленький обелиск. Дверь калитки в ограде была открыта, и девочка лет десяти вешала на памятник веночек из рома-

шек. У подножия в большой жестяной банке стоял букет полевых цветов. Девочка повесила веночек и голубыми, очень спокойными глазами посмотрела на женщину; под мышкой у девочки было зажато большое куриное крыло, которым сметала она сор с могилы.

— Моя хорошая девочка,— сказала женщина растроганно и взяла её за руку.— Значит, ты не забываешь Наташу Осташко?

Она села на скамейку возле памятника и, не выпуская руки девочки, посадила её рядом с собой. Минуту они сидели молча. В утренней тишине далеко и протяжно гудел паровоз на станции, в небе носились стрижи, и голубые и красные тюльпанчики вьющейся вдоль ограды ипомеи ещё были раскрыты, перед тем как свернуться под солнцем.

— Как тебя зовут? — спросила женщина.

— Таня,— ответила девочка.